

«Радость ждет сокровенного слова...»

Сборник научных статей в честь профессора
Латвийского университета
Людмилы Васильевны Спроге

Радость ждет сокровенного слова...». Сборник научных статей в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроге. Рига: Латвийский университет, 2013.

Составители и редакторы сборника: **Наталья Шром** (главный редактор),
Розанна Курпниеце

Редколлегия

Наталья Бабенко (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград)
Ирина Белобровцева (Таллинский университет)
Марко Каратоццо (Государственный университет «Альдо Моро» Бари)
Розанна Курпниеце (Латвийский университет)
Янина Курсите (Латвийский университет)
Леа Пильда (Тартуский университет)
Анна Станкевич (Даугавпилсский университет)
Вера Терехина (Институт мировой литературы, Москва)
Татьяна Царькова (Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург)
Наталья Шром (Латвийский университет)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Факультета гуманитарных наук и Центра экзаменации по русскому языку как иностранному Латвийского университета

Перевод аннотаций на английский язык – **Анастасия Ведель**

Перевод аннотаций на латышский язык – **Илзе Бремере**

Макет и обложка – **Байба Лаздиня**

«Liksmē gaida apslēpto vārdu...» Latvijas Universitātes profesorei Ludmilai Sproģei veltīts zinātnisko rakstu krājums. Rīga: Latvijas Universitāte, 2013.

Krājuma sastādītājas un redaktore: **Natalja Šroma** (atbildīgā redaktore),
Rozanna Kurpniece

Redkolēģija

Natalja Babenko (I. Kanta Baltijas Federālā universitāte, Kaļiņingrada)
Irina Belobrovceva (Tallinas Universitāte)
Marko Karatocolo (Aldo Moro Valsts universitāte, Bari)
Rozanna Kurpniece (Latvijas Universitāte)
Janina Kursite (Latvijas Universitāte)
Lea Pilda (Tartu Universitāte)
Anna Stankeviča (Daugavpils Universitāte)
Vera Terjohina (Pasaules literatūras institūts, Maskava)
Tatjana Carjkova (Krievu literatūras institūts (Puškina nams), Sanktpēterburga)
Natalja Šroma (Latvijas Universitāte)

Šis darbs izstrādāts ar Latvijas Universitātes Humanitāro zinātņu fakultātes un Krievu valodas kā svešvalodas eksaminācijas centra atbalstu

Kopsavilkumu tulkojums angļu valodā – **Anastasija Vedela**

Kopsavilkumu tulkojums latviešu valodā – **Ilze Brēmere**

Vāka dizainu un maketu veidojusi **Baiba Lazdiņa**

© Latvijas Universitāte, 2013

ISBN 978-9984-45-773-4

«Дело» К. И. Арабажина

Юрий Сидяков

К. И. Арабажин, выпускник университета Св. князя Владимира в Киеве – литературовед, критик, пользовавшийся определенной известностью в дореволюционной России, создатель первого в Петербурге Народного университета, с 1913 года преподававший в Гельсингфорском (Хельсинском) университете и переехавший в 1920-м году в Ригу, в историю русской культуры и русского образования Латвии вошел прежде всего как создатель и ректор Русских университетских курсов.

Однако в начале 1920-х годов К. И. Арабажин также активно стремился включиться и в общественно-политическую жизнь Латвии. В Финляндии ему в этом отношении принадлежала значительная роль, где он некоторое время фактически возглавлял интеллектуальную жизнь русской колонии.¹ Однако в Латвии (как, впрочем, в конечном счете, и в Финляндии) эти попытки, привели к ряду серьезных неудач, а также имевших довольно широкий резонанс скандалов. Что послужило их причиной и какие обстоятельства скрывались за ними – в этом, насколько позволяют дошедшие до нас источники, я и постараюсь разобраться в предлагаемой статье.

Первый из скандалов, грянувших в Латвии, самый громкий, собственно и получивший в прессе название «дело Арабажина», разразился в 1921 году. Его история частично уже освещалась в исследовательской литературе – наиболее, пожалуй, подробно в опубликованной недавно статье Л. Флейшмана и Э. Екабсона «Первый российский консул в независимой Латвии».² Однако поскольку статья Л. Флейшмана – Э. Екабсона в первую очередь посвящена деятельности В. А. Преснякова, так называемое «арабажинское дело» в ней рассматривается лишь попутно.

Вначале позволю себе вкратце напомнить историю этого первого, но не последнего «дела Арабажина», пополнив ее некоторыми фактами, не получившими достаточного освещения в упомянутой мною выше статье, затем продолжу этот своеобразный «арабажинский» сюжет.

Прибыв в 1920-м году в Латвию, К. И. Арабажин принял участие в деятельности созданного В. А. Пресняковым Русского общества в Латвии. Организация эта возникла после выхода В. А. Преснякова из Национально-демократического союза – первой образованной в Латвии русской общественно-политической организации. В дальнейшем отношения между этими двумя конкурирующими русскими группами оказывались преимущественно враждебными.³ К. И. Арабажин вошел в совет Русского общества, возглавил открытый этим обществом Русский народный университет, однако уже в начале 1921 года был вынужден со скандалом организацию В. А. Преснякова покинуть.

Прологом к конфликту послужила опубликованная К. И. Арабажиным 30 января 1921-го года в газете «Сегодня» статья «Независимость Латвии и русское население». Написанная по поводу признания Латвии *de iure* западными державами, она была наполнена хвалебными отзывами о молодой республике и, кроме того, в виде своеобразной самокритики содержала негативные оценки культурного и гражданского состояния русского национального меньшинства страны:

В гражданском отношении – надо сознаться – мы отсталый народ. Мы неорганизованны, мы рассеяны. Мы общественно невоспитанны. Мы лишены чувства долга и дисциплины. Личные дразги раздражают наши убогие организации. Отсюда все наши беды и нестроения. И школа, и книга, и искусство и общественная деятельность, и торговля, и народный труд у нас в самом печальном состоянии.⁴

Отношение сотрудников Русского общества в Латвии к этому печальному выступлению К. И. Арабажина было резко отрицательным. Три дня спустя в той же «Сегодня» Н. Бережанский (в те годы один из ведущих сотрудников газеты, некоторое время бывший ее фактическим редактором, так же, как и К. И. Арабажин, входивший в состав правления Общества В. А. Преснякова) напечатал статью «Право на национальное достоинство». Статья эта по своей сути явилась резкой отповедью К. И. Арабажину (хотя имя последнего в ней и не упоминалось).⁵ Несколько позже – 9 февраля, опять же в газете «Сегодня», появилось «Письмо в редакцию» президиума Русского общества в Латвии, содержащее в себе информацию о возникших между членами правления общества и

К. Арабажиным трениях. Наконец, 13 февраля разражается непосредственно сам скандал. Президиум общества огласил на общем собрании заявление пяти членов организации, обвинивших Арабажина в том, что он осенью 1919 года составил анонимный донос на ведущих русских общественных деятелей в Финляндии и отправил его работнику врангелевской контрразведки В. Г. Орлову. В ответ на это обвинение К. Арабажин созвал суд чести, его оправдавший. Все эти события оживленно обсуждались на страницах русской прессы Латвии, а также и за пределами страны.

Постановление суда чести было опубликовано на страницах «Сегодня» 13 апреля 1921 года. Согласно этому постановлению все обвинения с К. Арабажина были сняты, а квалифицированный президиумом Русского общества в Латвии в качестве доноса документ был признан «мемуарами». В свою очередь, суд обвинил членов правления Русского общества в нарушении гарантируемой законом тайны частной переписки, поскольку в протоколе заседания правления общества не было должным образом разъяснено, каким образом посланный на имя К. Арабажина пакет, содержащий в себе вынесенные на обсуждение материалы, оказался в руках третьих лиц.

Публикация постановления суда чести в газете сопровождалась посторонней редакционной заметкой, защищавшей позиции Русского

общества в Латвии и пытавшейся снять обвинение в нарушении тайны переписки:

Когда Бурцев на своем веку разоблачил 192 агента-provокатора, никто, кроме старорежимного министерства внутренних дел, не поставил ему на вид неуважение к святости и неприкосновенности "мемуаров" provокаторов и не заявил протеста против нарушения тайны их частной корреспонденции.⁶

Впрочем, вся эта «нравственного» характера аргументация, отнюдь не снимала вопроса о нарушении в данном случае собственно юридических норм. В упомянутых редакционных замечаниях также подвергалась сомнению и компетентность принявшего оправдательное решение суда, поскольку он, как отмечалось в газете, был собран

К. Арабажиным лично и по его собственному выбору.⁷ Несколько дней спустя, в 86-м номере «Сегодня», был напечатан пространный ответ на постановление суда чести от президиума Русского общества в Латвии, который продолжал видеть в авторе «мемуаров» доносчика. И, наконец, в 93-м номере газеты был опубликован ответ самого

К. Арабажина, который отвергал все возводимые на него обвинения.

Что же представлял собой так называемый «арабажинский донос», и имел ли он вообще место в действительности? Текст документа в полном виде неизвестен, по противоречивым его оценкам в прессе составить о нем сколько-либо определенное представление невозможно.

Весьма вероятно, что главной причиной скандала оказалось соперничество.

В. Преснякова и К. Арабажина в их претензиях на ведущую роль в русской общественной жизни Латвии.⁸ Очень может быть, что и вся эта детективно-шпионская история явилась лишь приемом дискредитации конкурента в ведущейся В. Пресняковым против

К. Арабажина борьбе. Однако «арабажинская история» упомянутыми событиями не завершилась.

Изучая ее продолжение, прежде всего, следует обратить внимание на состав собранного Арабажиным суда. В него входили видный русский общественный деятель А. С. Бочагов, товарищ председателя Особого комитета по делам русских эмигрантов М. П. Спиридонов, а также председатель Общества русских врачей в Риге В. И. Пузыревский. Кроме них – представители немецких, польских и еврейских культурных обществ. И здесь сразу же обращает на себя внимание то, что с русской стороны К. И. Арабажина под свое покровительство взял конкурировавший с Русским обществом в Латвии Национально-демократический союз – в составе суда чести оказались сразу три его члена. Весьма возможно, что поддержка К. И. Арабажина Национально-демократическим союзом также была вызвана не столько стремлением к установлению истины, сколько политической борьбой – желанием свести счеты с враждебной организацией.

Однако дальнейшие отношения К. И. Арабажина с рядом деятелей Национально-демократического союза явно не сложились и также привели к серии скандальных столкновений.

С 26 июня 1922 года в Риге начинает выходить новая русская газета «Маяк», первоначально аттестовавшая себя «русской внепартийной», несколько позже – «русской общественно-политической» газетой. Однако фактически уже с самого начала «Маяк» являлся органом Национально-демократического союза русских граждан. К Национально-демократическому союзу принадлежали и издатель газеты П. Г. Рубисов и ее редактор Н. Н. Бордонос. По некоторым сведениям, первоначально на редакторское место в «Маяке» претендовал К. И. Арабажин, но его кандидатура была отклонена.⁹ Тем не менее, первое время редакция новой газеты К. И. Арабажина определенно поддерживала, в частности, в «Маяке» весьма сочувственно говорилось о возглавляемых им Русских университетских курсах, в то время как значение конкурирующего Русского народного университета (организованного Русским обществом в Латвии) всячески принижалось.¹⁰

Однако эти добрые отношения продолжались недолго. Причиной их охлаждения, приведшего затем к полному разрыву, послужила напечатанная в 4-м номере «Маяка» заметка под названием «Лжехристианство». В ней содержался пересказ присланной в редакцию газеты статьи старообрядческого деятеля А. И. Воловича о «бесцерковном христианстве» (статья эта, по утверждению редакции, не могла быть опубликована в газете полностью из-за ее большого объема). Посвящена она была прочитанным К. И. Арабажиным на учительских курсах лекциям по новейшей литературе. Основной смысл статьи в газете был передан следующими словами:

Суть ее в том, что подчиняясь западному влиянию во всех областях жизни, русское общество не избежало этого и в сфере религии. Усваивая западноевропейское миросозерцание, развившееся вне Церкви и духу ее совершенно чуждое, многие, хотя признают христианство, но отрицают Церковь, проникаясь высокомерным индивидуализмом, т.е. в сущности – эгоизмом. Мало-помалу создается подделка веры Христовой, причем Христос ставится в ряд учителей каковы: Конфуций, Лаоцзы, Будда, Сократ, даже Лев Толстой и др.¹¹

Редакция, со своей стороны, по этому поводу отмечала, что, хотя религия, как и все существующее, подчиняется законам эволюции и «многое в мелочах, во внешнем требует освежения, но в такую пору, когда на религиозность вообще занесена рука, когда развращается совесть молодежи, когда человечеству грозит мрак озверения, – в такой момент бури и натиска подкапываться (лишь бы показаться не отсталым) под хранителя веры, каким является Церковь, подтачивать устои веры, – это значит сотрудничать с большевиками».¹²

В принципе полемика со стороны газеты велась достаточно осторожно. Лично сам автор лекций как будто бы ни в чем не обвинялся, речь шла

лишь о размышлениях, вызванных их содержанием. Разве что последняя фраза о «сотрудничестве с большевиками» придавала заметке некоторую резкость, но из контекста определенно не явствовало, кому адресован был упрек – самому ли профессору или же тем авторам, произведения которых анализировались по ходу лекционного курса.

К. И. Арабажин на это замечание «Маяка» реагировал крайне болезненно. В следующем номере газеты было опубликовано письмо редактору, в котором слушатели русских учительских курсов заявляли протест против искажения содержания упомянутых лекций. В заключение письма его авторы заявляли следующее:

В связи с вышеупомянутыми несправедливыми и незаслуженными обвинениями, брошенными проф. К. И. Арабажину в газ. «Маяк», русское учительство, собравшееся на курсах, единогласно выражает свое великое огорчение. В знак же своей глубокой и искренней благодарности за все ценное и дорогое, что дал глубокоуважаемый проф. Арабажин, поднесло ему адрес.¹³

Хотя цитированное письмо было помещено в газете от имени слушателей русских учительских курсов, можно предположить, что за этой публикацией скрывался сам автор прочитанных лекций. Прямо отвечать на письмо редакция не стала, но дело на том не закончилось – конфликт К. И. Арабажина с газетой продолжал разрастаться.

В том же 5-м номере «Маяка» была напечатана также и статья, озаглавленная «Учительский вечер». Речь в ней шла о состоявшемся 22 июля 1922 года в Ломоносовской гимназии мероприятии, организованном Национально-демократическим союзом для народных учителей, съехавшихся на русские учительские курсы. Среди прочего, в статье излагалась и речь К. И. Арабажина, призвавшего русскую общественность к единению и, кроме того, заявившего еще следующее:

Между прочим, идя в своей речи навстречу волнующему русских учителей вопросу о самоопределении белорусов, оратор объяснил, что к самоопределению вообще как к искреннему душевному стремлению надо относиться с полным уважением и что бороться следует лишь против ненормальных явлений, когда под видом добровольного самоопределения стараются «втискивать в белорусские колодки всякими правдами и неправдами, даже обманом».¹⁴

На эту публикацию К. И. Арабажин в «Рижском курьере» ответил уже непосредственно сам. От цитированного в «Маяке» высказывания по «белорусскому вопросу» он полностью отказался, обвинив при этом газету в «донесении на него белорусам»:

Таким образом своего рода донесение белорусам о моей речи сделано с той же общественной чуткостью и корректностью, как и попытка вызвать в темных массах подозрение ко мне, как подрывающему

“основы церкви” и работающему с большевиками, на что, впрочем, уже откликнулось русское учительство...¹⁵

В том же номере «Рижского курьера» была помещена и новая редакция письма слушателей русских учительских курсов по поводу упоминавшихся лекций (вариант, напечатанный в «Маяке», был датирован 21-м июля, в «Рижском курьере» – 25-м числом), содержащая, в отличие от первой, резкие выпады в адрес редакции «Маяка»:

Попытка же редакции извратить смысл и навязать свое толкование лекций учителям является недопустимым для газеты именующей себя “внепартийной русской». В связи с вышеупомянутыми несправедливыми и незаслуженными обвинениями, брошенными проф. К. И. Арабажину в газ. “Маяк” – русское учительство, единогласно выражая свое великое огорчение, с негодованием опровергает эту ложь.¹⁶

То, что оба этих документа в «Рижском курьере» помещены рядом, а также видимое ожесточение тона нового варианта письма слушателей курсов – все это вызывает основательные подозрения об участии К. И. Арабажина также и в этой, заявленной от имени учителей, публикации.

«Маяк» молчать не стал – в 6-м его номере была опубликована довольно язвительная статья под заглавием «И нашим и вашим». Ее автор настаивал на точности помещенного в газете изложения речи К. И. Арабажина и, в свою очередь, обвинял последнего в двуличии – в одновременном заигрывании с различными общественными группировками.¹⁷ Статья подписана не была, но, очевидно, принадлежала редактору газеты Н. Н. Бордоносу.

28 августа 1922 года вышел первый номер новой еженедельной русской литературной и общественно-политической газеты «День». Ее редактором-издателем был объявлен

Н. В. Павлов.¹⁸ Как отмечалось в заголовке, газета издавалась при ближайшем участии профессора К. И. Арабажина. Во втором номере «Дня» им была опубликована статья под названием «Сменовеховство». Статья содержала ряд обвинений в адрес движения, довольно банальных для эмигрантской прессы той поры. Кроме того, она вновь была наполнена своего рода «самокритикой» в духе уже упоминавшегося выступления ее автора в газете «Сегодня»:

Русский человек удивительно оригинален. Он умеет все перевернуть шиворот на выворот, придать каждому слову самый неожиданный, можно сказать – внезапный смысл. Оттого ли, что нет в русской культуре традиции, памяти прошлого и знания его, или от бесшабашного легкомыслия и... даже недобросовестности, – трудно сказать. В голове русского человека ничто не задерживается, в его сердце и “прошлое не жаль” и, нового, по существу, нет. Он непрерывно поклонялся и поклоняется тому, что сжигал.¹⁹ и т.д.

Нельзя сказать, чтобы подобные суждения были особенно оригинальны. В истории русской литературы и публицистики нечто похожее уже заявлялось. Но одно дело, когда такие высказывания обращались исключительно к соотечественникам и звучали в пределах России, другое – когда то же писалось в изгнании, тем более в стране, правительственные круги которой не особенно дружелюбно относились к русской части населения.

Ответ не заставил себя ждать. В № 16 «Маяка» была напечатана статья под названием «Ради нового мундира», автором которой, очевидно, опять же был Н. Н. Бордонос. Тон на сей раз был особенно оскорбителен и резок:

Не клеветайте, г. автор, на русский народ, ни на русскую интеллигенцию, если даже подразумеваете только ее! <...> Вы клеветаете как раз в такую пору, когда и без того против нас поднимается злоба шовинистов. Вы отлично знаете, как позволяют себе говорить, будто русская литература дурно влияет на молодежь. Вы знаете, что не далее, как на днях, в одной газете называли наглостью употребление русского языка на улице. И при таком отношении к русским вы в своей газете устраняете всякое основание к уважению русского народа, удостоверяя, что русский человек бесшабашно легкомыслен, недобросовестен, с пустой головой и пустым сердцем, что он не способен на самоотвержение и более склонен отсиживаться дома. Уж подлинно рисовал дядя, на себя глядя. Так и говорил бы о себе, писал бы свою личную исповедь, но не позорил весь народ.²⁰

Помимо вполне очевидного и искреннего негодования, вызванного духом напечатанного в «Дне» памфлета, а также желания отплатить Арабажину за его прежние выпады против «Маяка», резкость ответа, вероятно, определялась и иными причинами. Надо полагать, редакцию отнюдь не восхищал выход нового конкурирующего русского периодического издания; кроме того, обе упомянутые русские газеты появились в преддверии выборов в Сейм. Поэтому редакция «Маяка», отстаивающая интересы Национально-демократического союза, могла опасаться, что вокруг новой газеты организуется и новая конкурирующая общественная группа, способная оказывать влияние на расклад политических сил; да и возможность примирения К. И. Арабажина с Русским обществом в Латвии также, вероятно, не сбрасывалась со счета.²¹ Публикация же, наносившая удар главному сотруднику и вдохновителю «Дня», подрывала авторитет издания в целом, а также и всех тех, кто мог быть с ним связан.

К. И. Арабажин в свою очередь в долгу не остался. В третьем номере своей газеты он напечатал статью «Новые Булгарины и дубровинцы». Статья представляла собой своеобразное сочетание оправдания и агрессии.

Оправдываясь, автор заявлял:

Всякому грамотному человеку вполне ясно, что процитированные выше черты русского человека отмечены не мною одним, а почти всеми русскими писателями, публицистами и историками. Соловьев,

Ключевский, Платонов, Миллюков говорят о нехватке традиций в русской культуре, говорят об этом и все наши критики. Все мои фразы навеяны русскими писателями, публицистами, историками.²²

Далее следовал длинный список имен с соответствующими отсылками к текстам. В свою очередь, нападая на своих противников, К. И. Арабажин писал:

В высшей степени своевременно поговорить о возрождении Булгаринных и дубровинцев на общей почве передоновины. Их психология ясна: за отсутствием мировоззрения – звериная лютость и ненависть к людям не его породы, вместо программ – тромбонный “потреботизм” и травливание темных масс на интеллигенцию и людей культуры.²³

Не забыл К. И. Арабажин и прошлые обиды, нанесенные ему «Маяком»:

Нападающие на меня бордоносы имеют, очевидно, достаточно оснований, чтобы ненавидеть и злобствовать. И вот с первых дней издания газеты, “Маяк” делает ряд бессильных атак оклеветать меня, уверяя, например, что я заодно с большевиками подрываю устои церкви. Авось старообрядцы поверят. Учительство отвечает “протестом негодования” и опровергает эту клевету. <...> Затем идут на меня “донесения” во все стороны: и с белорусами я, и с евреями и против поляков, и против белорусов. В газетке г. Бордоноса нет никакой принципиальной линии. Есть только злоба и личные симпатии и расчеты. Отвечать на его последние кухонные сплетни и клеветы не стану. <...>²⁴

В целом же статья представляла собой поток эмоций и выглядела более скандальным сведением счетов, нежели продуманным ответом по существу: в логичности построений, в выборе выражений, выдержке К. И. Арабажин ощутимо проигрывал своему оппоненту.

Отвечать на этот памфлет «Маяк» не стал, однако имя профессора навсегда исчезает с его страниц. Тем, по сути, и окончилась полемика. Газета «День» вскоре прекратила свое существование, вышло всего лишь девять ее номеров. «Маяк» продержался дольше – почти год, затем газета потерпела финансовый крах. Ее издатель П. Г. Рубисов погиб под колесами поезда, по всей видимости, покончив жизнь самоубийством. Но это уже другой сюжет.²⁵

СНОСКИ

- ¹ См.: Isakov S. G. Профессор Хельсинкского университета К. И. Арабажин. Очерк жизни и деятельности. Studia Slavica Finlandensia. T. IV. Helsinki, 1987. P. 68–111.
- ² Екабсонс Э.; Флейшман Л. Первый российский консул в независимой Латвии. Avoti. Труды по балто-русским отношениям и русской литературе: В честь 70-летия Бориса Равдина. Part I. Stanford, 2012. [Stanford Slavic Studies. Vol. 42]. P. 67–214. См. также: Цоя С. Русский институт университетских знаний в межвоенной Латвии. Seminarium hortus humanitatis: Альманах XXXII. Русский мир и Латвия: Арабажинские курсы. Рига, 2012. С. 45–46.
- ³ См.: Фейгмане Т. Русские в довоенной Латвии: На пути к интеграции. Рига, 2000. С. 175–186.

4 Сегодня. 1921. № 25. С. 1.

5 См.: Сегодня. 1921. № 28. С. 1.

6 Сегодня. 1921. № 82. С. 4.

7 Об этом еще ранее заявил в прессе президиум Русского общества в Латвии – см.: Сегодня. 1921. № 63. С. 3.

8 Это же предположение высказано и в упоминавшейся выше статье Л. Флейшмана – Э. Екабсона – с. 126.

9 Эти обстоятельства нашли отражение в одной из публикаций «Маяка»: «Несколько позже проф. Арабажин в другой комиссии по вопросу об издании русской газеты, изложив свой план издания ее под его главным редакторством и намечая смету, прямо сказал (как значится в протоколе), что при условии редактирования газеты им к ней присоединятся часть евреев и белорусы со своим капиталом. Но... издание газеты под главным редакторством г. Арабажина не осуществилось <...>» (И нашим и вашим. Маяк. 1922. № 6. С. 7). Хотя название газеты здесь не указано, речь, без сомнения, идет о «Маяке». Едва ли в распоряжении редактора «Маяка» (цитируемая статья определенно принадлежит Н. Бордоносу) мог бы быть протокол комиссии по изданию какой-либо другой газеты.

10 См.: Н. Н. Б. Очаг культуры. Маяк. 1922. № 1. С. 3.

11 Маяк. 1922. № 4. С. 4.

12 Там же.

13 Маяк. 1922. № 5. С. 7.

14 Там же.

15 Рижский курьер. 1922. № 469. С. 3.

16 Там же.

17 См.: Маяк. 1922. № 6, с. 7.

18 Краткую характеристику издания см.: Абызов Ю. А издавалось это в Риге. 1918–1944: Историко-библиографический очерк. М., 2006. С. 50.

19 День. 1922. № 2. С. 2.

20 Маяк. 1922. № 16. С. 2.

21 Ср. в связи с этим следующую публикацию «Маяка»:

«Нашелся и защитник»

В течение последних 2-3 недель ходили слухи, что некоторая группа лиц, недовольная разоблачениями, которые появляются в «Маяке» и вредят этой группе в предвыборной агитации, решила издавать во время предвыборной кампании свою «русскую» газету и ищет только ответственного редактора. Нам известны лица, которым делалось соответствующее предложение и которые отклонили его. И мысль об издании своей газеты, по-видимому, оставлена. Найден способ более простой.

Одна местная газета в последних номерах своих, беря под свою защиту «Русское Общество в Латвии», открыто выступает против «Маяка». А о союзе русских граждан говорит, что он «едва ли может быть поставлен в пример другим общественным организациям в Латвии».

Известно, что все время эта газета (как и все «Курьеры»: Поранние, Познанские, Варшавские и др.) питалась защитой польских интересов; теперь поле деятельности ее расширяется поддержкой розни и неразберихи среди русских. Эта новая задача не противоречит первой, основной. Напротив, дополняет и углубляет ее.

Русским людям надо иметь это в виду и выявить свое отношение к такой газете». – Маяк. 1922. № 9. С. 2. (Речь в данном случае идет о «Рижском Курьере»).

22 День. 1922. № 3. С. 5.

23 Там же.

24 Там же.

25 Об этих обстоятельствах и о газете «Маяк» см. подробнее: Сидяков Ю. О газете «Маяк» и о судьбе ее издателя. Seminarium hortus humanitatis: Альманах XXIX. Русский мир и Латвия: Маяки прошлого. Рига, 2012. С. 32–70.